

Л. В. Шибаета¹, Л. Р. Заграй²

¹Сургутский государственный университет, ²БУ ХМАО – Югры Сургутский клинический психоневрологический диспансер, г. Сургут

Психологические затруднения экономического самоопределения детей, подростков, юношества коренных народов Югры

Psychological Difficulties of Economic Self-determination of Children, Teenagers, Youthes of the Radical People of Yugra

УДК 316.334.2 ; 316.6, ББК 60.561.2+88.5

Аннотация. Обсуждается проблема кросс-культурных психологических исследований в области экономической психологии детства, подростничества. Обсуждаются эмпирические проявления особенностей ориентировки в экономической действительности совершеннолетних представителей коренных народов Севера (ханты). Предполагается, что дифференцированная ориентировка в экономической действительности выступает в качестве основания социально-психологического здоровья современного поколения взрослого сообщества, которое влияет на возможности достижения оптимальных уровней экономической социализации детей и подростков.

Summary. In article the problem cross-country-cultural of psychological researches of economic self-determination is staticized. Attempts to allocate feature of economic self-determination of representatives of the radical people of the North are undertaken. It is supposed that adequate orientation in the economic validity acts as the basis of high level of socially-psychological health of adult community which predetermines possibilities of achievement of high levels of economic socialization of children's and teenage community.

Ключевые слова: экономическая социализация, экономическое самоопределение, ценности, субъект экономической действительности, экономическое благополучие, деньги.

Keywords: economic socialization, economic self-determination, values, the subject of the economic validity, economic well-being, money.

В современной культурной антропологии, этнопсихологии и этнопедагогике одной из наименее разработанных является проблема изучения того, как происходит экономическая социализация представителей малых народов Севера, каково ее своеобразие у взрослых и как это влияет на развитие детей, подростков, юношества. Эмпирические проявления своеобразие экономической социализации могут находить свое выражение как на уровне когнитивных представлений об эквивалентности обмена определенных товаров и услуг, так и в особенностях переживаний, предопределяемых интерпретацией на основе этических категорий (справедливого-несправедливого обмена, выгодного-невыгодного, обидного-достойного), в особенностях стиля поведения в условиях ведения переговоров и заключения коммерческих сделок.

В работах представителей культурной антропологии (Л. Леви Брюль, К. Леви-Стросс, Д. Фрезер, М. Мид), социальной психологии (С. Московичи), психологии развития (П. Жане, Л. С. Выготский, А. Р. Лурия) конкретизируется зависимость картины мира, как взрослых, так и детей, от образа жизни, хозяйственного уклада, традиций, обычаев, верований [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8]. Однако доля исследований, посвященных своеобразию ориентировки представителей малых народов, включенных в традиционные виды жизнедеятельности, в этом массиве составляет малую часть. Вместе с тем, очевидно, что адекватная ориентировка в экономической действительности выступает как основание высокого уровня социально-психологического здоровья взрослого сообщества, которое предопределяет возможности достижения высокого уровня экономической социализации детей, подростков, юношества.

Становление человека как активного субъекта экономической действительности детерминировано различными факторами. В настоящее время все более активно развиваются исследования человека в связи с особенностями культуры потребления [9]. Проблемы психологии потребления рассматриваются в их неразрывной связи с культурным контекстом (территориальные, политические, экономические, социальные и духовные факторы). Такой подход предполагает отказ от представлений о решающей роли индивидуальных решений в сфере потребления и переход к рассмотрению широких психологических, социальных и культурных контекстов возникновения стилей потребления. Проблемы этого уровня неизбежно привлекают внимание представителей различных дисциплин и требуют междисциплинарного подхода.

В зарубежных исследованиях значение кросс-культурных исследований в области психологии потребления было отмечено рядом публикаций. В частности, известными является работы П. Лунта и С. Левингстоун «Массовое потребление и социальная идентичность» (1992), Э. Фурнама и А. Льюиса «Экономический разум» (1986), Х. Диттмар «Экономические представления подростков» (1992) [9, 10, 11]. В этих работах открываются новые методы исследования субъекта в его отношении к экономическому потреблению, осуществляется охват все новых пластов культурного контекста.

В настоящее время предпринимаются попытки исследовать влияние социальных факторов на своеобразие траектории экономического самоопределения в социализации детей. Д. Лейзер и К. Ролан-Леви подчеркивают значение практического опыта повседневной жизни как средства социализации [12, 13]. Таким опытом, например, становится покупка в магазине, участие в торговых сделках. П. Уибли и соавторы подчеркивают значение неформальной игровой деятельности в развитии экономических представлений ребенка [14]. Эмлер и Дикинсон (1985) исследуют различия в экономических знаниях, доступных детям различных социальных классов, и влияние этих различий на социализацию [15]. С их точки зрения, социальное знание распределено в обществе неравномерно, и это – часть механизма, производящего неравенство в экономике.

Так, широко известна работа Д. Лейзера с сотрудниками, которые организовали исследование в десяти различных странах с использованием одного и того же опросника [12]. В семьях представителей среднего класса опрашивались дети трех возрастных групп: 8, 11 и 14 лет. Вопросы касались понимания, рассуждения и установок в экономической сфере, особое внимание исследователи уделяли общим чертам развития. Согласно исследованию, младшие дети полагали, что магазины фиксируют цены товаров на том уровне, который отражает их внутреннюю ценность. Становясь старше, они относили цену к рынку и политике правительства, однако все равно были убеждены, что некий компонент цены отражает внутреннюю стоимость продукта. Выяснилось, что дети моложе 11 лет не понимают природу прибыли. Д. Лейзер указывает также, что у младших детей имеется диссоциация между обменом денег на товары и обменом денег на работу [12].

Эти данные согласуются с прежними исследованиями, показавшими, что до 11 лет дети представляют экономику как ряд независимых процессов. Лишь после 11 лет у них формируется идея о взаимосвязанности аспектов экономики. Согласно данным Ролан-Леви и Лейзера, в развитии экономических представлений детей происходит переход от объяснительных моделей (на основе непосредственно воспринимаемых социальных отношений) к моделям «невидимых» экономических отношений, что дает возможность подойти к пониманию экономики как системы [12, 13]. Эти общие черты детского развития проявляются во всех странах, хотя обнаруживаются и многие различия между культурами.

В целом, можно отметить определенные уровни движения человека в детстве, подростковом, юности в направлении все более развитой позиции субъекта экономической действительности на основе активного самоопределения в задачах обустройства жизни и хозяйствования разного уровня. На невысоких уровнях экономического самоопределения ориентировка касается бытовых сделок локального содержания, часто встречающихся в жизненной практике. Ориентировка в экономической действительности, предполагающая умение пла-

нирывать стратегические экономические действия на основе обобщенных моделей действительности, представленной в знаково-символической форме акций, кредитов, инвестиций, валютных фондов, соответствует более высоким уровням экономического самоопределения, что предопределяется специфическими средствами и способами моделирования социальной действительности. Развитие экономического самоопределения неразрывно связано с нравственно-этическим самоопределением, особенностями этических категорий, осваиваемых человеком с детства. Так, хитрость, коварство, жадность порицается у всех народов даже на уровне повседневной практики взаимоотношений, они не могут одобряться и на уровне планирования стратегий хозяйствования при опоре на макромоделли экономической действительности.

Известный отечественный философ Г. С. Батищев характеризовал тенденции изменения связей и отношений между людьми при переходе от патриархального стиля жизни в традиционных сообществах к индустриальному и постиндустриальному обществу [16]. Для первого типа характерны социал-органические связи, для второго – социал-атомистические, которые характеризуются социальной отчужденностью, дистанцированностью, индивидуализмом, а, вслед за этим, и утратой традиционных нравственно-этических ориентиров.

Представители малых народов оказываются в ситуациях кризиса взаимоотношений. Им приходится жить не только в локальных изолированных сообществах, но и вне их строить отношения в широком и чуждом для них окружении поселений, городов, социальных институтов, коммерческих структур. Готовность к адекватному переходу от привычных социал-органических отношений к отчужденным, дистанцированным, коммерчески сложным крайне низка, что обуславливает определенные трудности становления человека как гибкого, но этически корректного субъекта экономической действительности. В связи с этим, искаженные траектории экономического самоопределения представителей общин коренных народов, ведущих традиционные виды хозяйства, могут выражаться как в определенном уровне наивности, неискренности, неподготовленности к пониманию реалий экономического мира, так и в возникновении излишнего прагматизма, жесткости, недоверия, настороженности.

Спектр эмпирических проявлений на различных этапах экономической социализации у представителей народа ханты проанализирован нами по результатам клинических бесед с контингентом молодых людей призывного возраста, проходящих психолого-психиатрическую экспертизу в рамках военной комиссии в психоневрологическом диспансере. Наши респонденты были отнесены к представителям народов ханты, ведущим традиционный образ жизни (окончившие 3-4 класса школы-интерната, занимающиеся традиционными видами хозяйства: охота, рыболовство, собирательство, проживающие на территории угодий). В исследовании был зафиксирован диапазон сфер жизнедеятельности, в которых проявилась невысокая готовность к экономическому самоопределению.

Остановимся на некоторых иллюстрациях. Характеристика экономического благополучия для участвующих в собеседовании представителей народа ханты, ведущих традиционный образ жизни, выражается, прежде всего, в материальных предметах, имеющих значение для повседневной жизни, охоты, рыболовства, бытового жизнеустройства. Так, для молодых людей не представляет значительной ценности большое количество денег или других сбережений, например, в банковских вкладах. Материальное благополучие определяется преимущественно наличием и качеством таких предметов для охоты и рыболовства, как ружья, ножи, рыболовные снасти, средства локального передвижения (моторные лодки, снегоходы), а также поголовьем оленей и обширностью земельных владений (угодий). Это объясняется значимостью данных предметов для благополучной организации жизни в условиях Севера. В то же время, при определении меры эквивалентности обмена продуктами рыболовства и охоты, необычайно дифференцированными являются характеристики качества предметов натурального обмена (качество рыбы, мяса, шкур, грибов, ягод, их состояний в разные времена года).

Одной из особенностей экономического самоопределения молодых людей является то, что не представленными в картине экономической действительности оказываются масштаб-

ные модели экономического устройства современного мира, прежде всего, со стороны валютно-денежных потоков и систем управления ими. Также за границами понимания структуры экономических отношений остаются сферы организации городского, междугородного транспорта. Это объясняется низкой востребованностью данных средств передвижения и экономико-правовой незащищенностью в этой сфере. При этом достаточно хорошо у молодых людей развита ориентировка в таких товарах потребления, как электро- и радиотовары, мобильные средства связи, которые также являются признаками экономического благополучия и престижности. Таким образом, за пределами представлений о материальном воплощении благополучия у молодых людей находятся многие виды экономических ресурсов, выражаемых в знаково-символических эквивалентах (электронные эквиваленты денежных единиц, страховые вложения и т. п.).

При характеристике особенностей представления о материальном благополучии и его обеспечении можно опереться на данные исследования сферы ценностных ориентаций, полученные сотрудниками факультета психологии Сургутского университета (Л. Д. Заричнюк, Л. М. Костив) под руководством В. Б. Хозиева (2003) в ходе проведения социологического и социально-психологического исследования образовательных ценностей и профессиональной ориентации у детей обских финно-угров [17].

Авторы исследования указывают на то, что по особенностям ведения хозяйства и условиям проживания представителей народа ханты можно распределить на три основные группы: ханты, продолжающие традиционный образ жизни (проживают в лесных условиях); ханты, проживающие в смешанных рабочих поселках (сохраняют элементы традиционного хозяйства, но более склонны к выполнению примитивного городского труда) и городские ханты, чаще всего метисы, ведущие городской образ жизни (с традиционной деятельностью их связывают только отдельные элементы престижности, отражающие их национальную самобытность и экономическая выгодность, наличие льгот и дополнительных государственных выплат). Данное распределение отражает логику развития миграции коренных народов в среду города.

Проанализировав материал, отражающий смысловое содержание ценностей ханты, полученный Л. М. Костив и Л. Д. Заричнюк, мы можем отметить некоторые различия по отношению к деньгам в этих трех группах [17]. Так для лиц, продолжающих традиционный образ жизни, характерно то, что они имеют достаточно прочную систему своих, традиционных ценностей, а также имеют ряд средств и способов достижения задуманных целей. И сами ценности, и средства достижения целей присваиваются детьми в ходе жизни в лесу, в процессе воспитания и раннего задействования в традиционном труде. Традиционные цели как и средства их достижения, четко связываются с качеством жизни и будущим человека.

Представители данной группы слабо ориентируются в городских ценностях, не ценят образование и профессиональный рост, так как не понимают, каким образом выполняемый в городе труд (который они за труд не считают) обеспечит жизнь человека. Эти молодые люди полностью ориентируются на лесной образ жизни и связывают с лесом свое будущее существование. У них нет потребности в распознавании именно городских ценностей и продумывании способов деятельности в условиях города. Деньги для них выступают как промежуточный этап при обмене продуктов натурального хозяйства на предметы, имеющие большое значение для поддержания их образа жизни (приобретение ружей, рыболовных снастей и т. д.). В исследовании нашло подтверждение то, что сами по себе деньги, их количество не является для молодых людей ценностью и не оказывает влияния на их межличностные отношения.

Категория оценки благополучия в группе ханты, относящихся к городским, наиболее сложна для выделения и анализа. Сами «городские ханты» слабо идентифицируют себя как этнос ханты. С традиционными ханты их связывают только воспоминания родителей, отдельные элементы деятельности (охота, рыбалка) и отметка о национальной принадлежности (ее наличие дает ханты ряд льгот и преимуществ). Как правило, уклад жизни, отношения в семье, работа и взаимодействие с обществом схожи у них с жизнедеятельностью городского

жителя русской, украинской и других национальностей, то есть не отличается от жизнедеятельности обычного городского жителя.

Дети городских ханты обучаются в «русских» школах, ориентированы на 11 классов, среднетехническое и высшее образование. Можно сказать, что ханты этой группы имеют четкие представления о будущем своих детей, их ценности наиболее структурированы и подкреплены конкретными действиями (они соотносят собственные цели, связанные с приобретением материального благополучия, со средствами их достижения, например, получением профессии). Система ценностей у них носит наиболее четкий характер. В этой группе диапазон затруднений экономического самоопределения не будет существенно отличаться от такового у городских жителей других национальностей.

В группе повышенного риска по изучаемой нами проблеме (готовность к экономическому самоопределению) оказывается группа представителей народа ханты, проживающая в смешанных рабочих поселках. Создается такое ощущение, что поселковые ханты находятся будто между двух жизней: лесной, традиционной и привычной для себя, и городской, вынужденной, но необходимой для продолжения существования.

Поселковые дети оказываются в беспомощном положении. Зачастую родители ориентируют детей на работу в поселке или в городе, но при этом они преподносят труд как возможность заработать много денег, купить машину и т. д. В семье совсем не поднимаются вопросы о том, как можно добиться поставленной цели, что и как нужно для этого делать. Из разговоров родителей и занятий в интернате дети ухватывают внешние обстоятельства жизни, не проникая в их суть, в связи с чем можно говорить о псевдо-ценностных ориентациях. Внедренные извне ценности, таким образом, никак не подкрепляются операционально-технической основой деятельности. В целом, и мигрировавшие в поселок коренные ханты и дети, ранее переселившиеся и выросшие в рабочем селении, отличаются достаточно аморфной системой ценностей. При наличии городских целей, ориентированных на конечный результат (много денег, машина, квартира), у них отсутствуют минимальные представления о способах достижения и реализации данных целей. Таким образом, при отсутствии мотивов к деятельности и существующих способах и средствах реализации внешне контролируемых целей данное явление, встречающееся у поселковых ханты, можно объяснить как феноменологию выученной беспомощности.

Было бы неловко делать такие выводы и выдавать их за уникальные достижения. На самом деле, подобные результаты получали многие ученые, задействованные в исследовании процессов изменения личности человека при миграции. Как правило, большая часть психологов, этнографов заканчивали свои исследования простым описанием наблюдаемого ими феномена. Оно включает такие признаки, как постоянное беспокойство, страх перед физическим контактом с другими людьми, общая тревожность, раздражительность, недостаток уверенности в себе, бессонница, чувство изнеможения, злоупотребление алкоголем и наркотиками, психосоматические расстройства, депрессия, попытки самоубийства; ощущение потери контроля над ситуацией, собственная некомпетентность и неисполнение ожиданий.

Исследование показало, что одним из крайних проявлений низкого уровня экономической социализации может стать то, что деньги, вместо того чтобы выступать средством достижения комфортных условий жизни, становятся самоценностью и оказывают влияние на все сферы жизнедеятельности, в том числе, и на межличностные отношения. В этом случае положительное отношение к другому человеку основывается исключительно на экономической выгоде (например, хороший сосед – тот, который может дать денег, хорошая жена – та, которая не забирает деньги и т.д.).

Неудачи и проблемы при адаптации в новой культуре необходимо рассматривать как дефицит определенных знаний и навыков, следствие расхождения между потребностями личности и способами их удовлетворения. В конечном итоге, они являются результатом неэффективного самоопределения переселенцев, ощущающих себя в неконтролируемых, не поддающихся изменениям условиях. Поэтому так важно приобретение человеком знаний об

обычаях, нормах, ценностях, стереотипах поведения принимающего социального сообщества без разрыва с собственной культурой.

Таким образом, весьма востребованной оказывается специализированная поддержка детям, подросткам, юношеству обских финно-угров в многоплановой ориентировке в экономической действительности, как на уровне практико-бытовой организации жизни, так и на основе ориентировки в широкой социально-экономической действительности. Большим потенциалом в отношении «влияния» на содержательное экономическое самоопределение представителей малых народов Севера обладает сфера образования, в частности, специализированные факультативы, отвечающие современным развивающим принципам обучения. Принципы организации развивающих факультативов необходимо привести в соответствие со спецификой задач экономического просвещения, сочетающего два уровня: повседневной культуры экономного ведения семейного хозяйства и культуры ориентировки в макроэкономической организации социальной действительности. Такого рода занятия в настоящее время пока не предложены в школах, интернатах, училищах для детей, подростков, юношества коренных народов Югры. Но это является ближайшей перспективой планируемых нами исследований.

Литература

1. Леви-Брюль Л. Психология мышления. М: Изд-во МГУ, 1980. С. 130-140.
2. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.
3. Фрезер Д. Золотая ветвь. М.: Политическая литература, 1980. С. 281.
4. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука, 1988. 429 с.
5. Moscovici S. On social representation. In: Forgas, J. P. (ed.) Social Cognition: Perspectives on everyday life. London: Academic Press, 1981.
6. Жане П. Неврозы и фиксированные идеи: пер. с франц. СПб., 1903. 428 с.
7. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
8. Лурия А. Р. Речь и интеллект в развитии ребенка. М., 1927
9. Лунт П. Психологические подходы к потреблению: вчера, сегодня, завтра // Иностранная психология. 1997. № 9. С. 8-16.
10. Furnham A. School children's perception of economic justice: cross-cultural comparizon // Journal of Economic Psychology. 1987. V.8. № 4. p. 457-467.
11. Диттмар Х. Экономические представления подростков // Иностранная психология. 1997. № 9. С.25-36.
12. Leiser D. Children's conceptions of economics: The constitution of a cognitive domain // Journal of Economic Psychology. 1983. V.4. №2. pp. 297-317.
13. Roland-Levy C. Economic socialization: basis for international comparisons // Journal of Economic Psychology. 1990. V.11.№ 4. P. 469-482.
14. Уэбли П. Понимание детьми экономических явлений // Проблемы экономической психологии / отв.ред. А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко. М.: Институт психологии РАН, 2005. Т. 2. С. 146-180.
15. Journal of Economic Psychology. Special Issue on —Economic Socialization—. 2006. V. 27 (1). P. 6-19, 20-35, 36-56.
16. Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества. СПб, 1997. 464 с.
17. Костив Л. М., Заричнюк Л. Д. Образовательные ценности и профессиональные ориентации детей обских финно-угров // Гуманитарные науки [редкол.: В. В. Мархинин (отв. ред.) и др.]. Сургут, 2006. С. 136-141 .